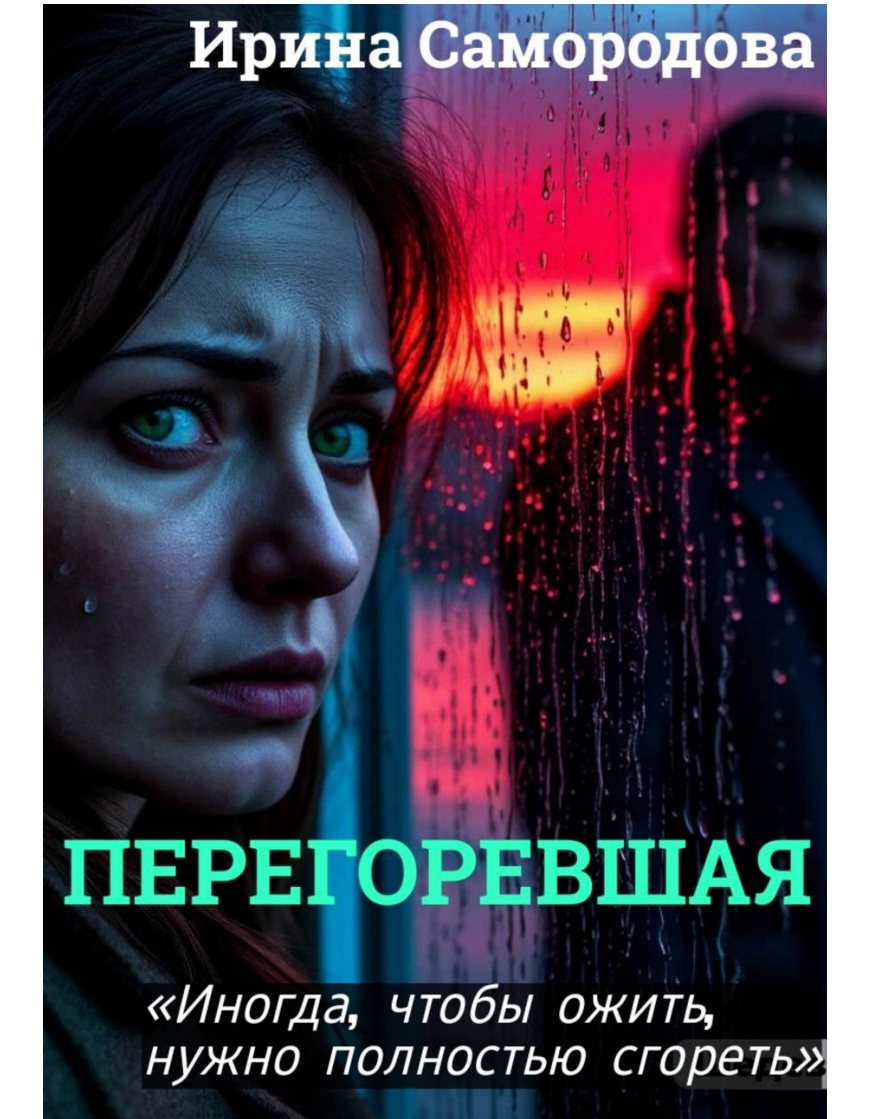

A movie poster featuring a close-up of a woman with dark hair and striking green eyes. She has a pained or distressed expression, with a single tear visible on her cheek. The background is dark and moody, with a bright, glowing orange and red light source, possibly a fire or a sunset, visible through a window covered in rain. The rain streaks down the glass, creating a sense of atmosphere. The overall color palette is dominated by dark blues, greys, and the vibrant reds and oranges of the light source.

Ирина Самородова

ПЕРЕГОРЕВШАЯ

*«Иногда, чтобы ожить,
нужно полностью сгореть»*

Ирина Самородова

ПЕРЕГОРЕВШАЯ

<https://litres.ru/74574284>

SelfPub; 2026

Аннотация

Говорят, перегоревшую лампочку нельзя починить — ее можно только заменить. Тридцатипятилетняя Виктория узнала это на собственном опыте. Пятнадцать лет она выгорала дотла ради чужих целей, отдавая всю себя изматывающей работе и браку, который давно стал для нее личным адом. Но один холодный день меняет всё.

Когда домашний кошмар переходит последнюю черту, а под ударом оказывается ее семилетняя дочь, внутри Вики навсегда затихает страх. Срабатывает безусловный материнский инстинкт.

Она забирает ребенка и делает шаг в полную неизвестность.

Акция для первых читателей! Сейчас книга публикуется в формате черновика, и вы можете приобрести её по специальной цене — всего за 149 рублей. После завершения романа его стоимость на Литрес вырастет до 299 рублей. Успеите оформить подписку с выгодой в 50% и читайте новые главы первыми!

Содержание

ПРОЛОГ. Иллюзия прочности	4
Глава 1. Последняя капля	6
Последняя капля.	7
Глава 2. В западне.	12
В западне.	13
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Ирина Самородова

ПЕРЕГОРЕВШАЯ

ПРОЛОГ. Иллюзия прочности

Каждая женщина рождается со встроенным, неистребимым желанием созидать. Мы готовы годами, по крупицам, выстраивать чужое счастье, жертвовать своими снами ради чужого покоя, вырисовывать идеальные чужие интерьеры и до крови в ногтях удерживать то, что давно превратилось в руины. Нам кажется, что если мы отдадим себя без остатка — работе, семье, человеку, — то этот хрупкий мир вокруг нас устоит. Мы верим в собственную нерушимость.

Но у любой, даже самой прочной человеческой души есть свой предел. Свой скрытый вольтаж.

Самое страшное выгорание происходит вовсе не в один миг. Оно подкрадывается незаметно — через ежедневную, серую рутину, сквозь ядовитые упрёки тех, ради кого ты живёшь, и тихие слёзы ребёнка, запертого в эпицентре чужой семейной войны. Ты отдаёшь свой внутренний свет день за днём, пока в один сырой, холодный вечер внутри тебя с сухим треском не лопается тончайшая нить накаливания.

И наступает темнота. Звонящая, ледяная пустота, где го-

реть больше нечему и незачем. Лампочка перегорела.

Тридцатипятилетняя Виктория знала эту темноту на вкус. Пятнадцать лет изматывающей работы дизайнером ради чужих целей и чужого счастья наслоились на личный брак-ловушку с Юрием, превратившим её жизнь в суровый хабаровский ад. Она терпела удары, измены и пьяную ярость ради семилетней Лизы, пока тиран не переступил последнюю, самую опасную черту.

Глава 1.Последняя капля

Последняя капля.

Осенний хабаровский ветер с Амура яростно бился в стекло старой, трёхкомнатной квартиры на Волочаевской, заставляя оконные рамы жалобно подрагивать. За окном догорал тяжелый, гнетущий день: над рекой разрастался тревожный вечерний багровый закат, окрашивая наползающие тучи в цвет спелой брусники и бросая багровые отсветы на кухонные стены. На часах было начало десятого. Виктория стояла у раковины, механически оттирая губкой кофейный налет с кружки. Ей было тридцать пять лет. Она скользнула взглядом по своему отражению в темном стекле окна: высокая, статная женщина обычной внешности, с пышной грудью и точеной приталенной фигуркой. Её густые темно-русые волосы были небрежно заколоты крабом на затылке, а под глазами залегли тяжёлые тени.

Вика чувствовала себя абсолютно пустой. Перегоревшей. Последние пятнадцать лет, за исключением одного года, пока сидела с новорожденной дочкой, она отдавала всю себя без остатка работе дизайнера в крупном хабаровском агентстве интерьеров. Она проектировала роскошные дома для местной элиты, вырисовывала идеальные кухни, подбирала дорогие итальянские ткани, ночуя за монитором ноутбука. Она жила ради чужих целей, чужих семейных гнезд и чужо-

го счастья, напрочь забыв о себе. Но настоящим, медленным и мучительным адом была её собственная семейная жизнь.

Входная дверь в прихожей оглушительно, с грохотом захлопнулась, заставив Вику вздрогнуть всем телом. В коридоре раздался тяжёлый, шаркающий шаг, сопровождаемый пьяным, злым бормотанием. Юра вернулся.

Он вошёл на кухню, едва не задев плечом дверной косяк. Высокий, широкоплечий, со светлыми русыми волосами, которые сейчас беспорядочно ерошились на голове, он когда-то казался Вике идеалом. Его красивые карие глаза, в которые она когда-то влюбилась без памяти, сейчас были мутными, налитыми кровью от выпитого алкоголя и бешеной, беспричинной злобы. От него за версту несло перегаром, дешёвым табаком и чужими, приторными женскими духами. Юра пил и изменял ей.

— Ну что, дизайнерша, всё посуду трешь? — хрипло, с ядовитой усмешкой процедил он, тяжело наваливаясь спиной на кухонный стол. — А пожрать в этом доме есть? Или ты только для своих зажавшихся клиентов улыбаться умеешь, а на мужа плевать?

— Юра, не ори, пожалуйста, — тихо, стараясь чтобы голос не дрожал, попросила Вика, не оборачиваясь. Её сердце сделало резкий, панический толчок, обдав грудную клетку жаром. — Лиза только-только легла. У неё завтра школа. Она и так из-за твоих вечных и ночных концертов спать не может.

— Что?! Ты мне ещё рот затыкать будешь в моей кварти-

ре?! — Юра взревел, как раненый зверь. Он сделал стремительный шаг вперёд, его карие глаза сузились от ярости. Он с силой схватил Викторию за плечо, рванув на себя так, что её темно-русые волосы рассыпались по спине. — Права свои тут качать вздумала? Да ты без меня — никто! Пустое место! Всё, что у тебя есть: квартира, этот ремонт, эти шмотки — всё на мои деньги куплено!

— Пусти... мне больно, Юра, — Вика попыталась вырваться, но его пальцы железными тисками вьелись в её кожу.

Это был их привычный сценарий. Жесткий развод, который длился уже три месяца, превратился в затяжную, грязную войну. Юра не хотел уходить, он упивался своей властью, регулярно поднимая на неё руку, ломая её психологически день за днём.

— Больно ей?! А мне не больно смотреть на твою кислую рожу?! — Юра замахнулся, готовый нанести удар.

В этот самый момент в дверях кухни раздался тихий, прерывистый детский всхлип. На пороге стояла семилетняя Лиза. Маленькая, хрупкая девочка в розовой пижаме со слониками прижимала к груди старого плюшевого мишку. Её слегка выющиеся золотистые волосы, спускающиеся ниже талии, мягким облаком легли на плечи, а огромные, полные неподдельного ужаса глаза были прикованы к отцу. Девочка сильно дрожала, а по её бледным щёчкам беззвучно текли крупные слёзы. Из-за этих вечных родительских драк Лиза

за последние месяцы превратилась в замкнутого, пугливого ребёнка.

— Папочка... не надо... не бей маму... — едва слышно, задыхаясь от страха, пролепетала Лиза.

Юра на секунду замер, скользнув мутным взглядом по дочери, но ярость и алкоголь уже полностью отключили в нём остатки человечности. Вместо того чтобы остановиться, он рассвирепел ещё больше.

— А ну пошла в свою комнату, щенок! — рявкнул он и, шагнув к дверям, со всей силы грубо отшвырнул маленькую девочку в сторону коридора. — еще щенок бы мне указывал что делать!

Лиза отлетела назад, ударилась всем своим хрупким телом в деревянную межкомнатную дверь, отскочив от нее как мячик и, упав на пол, громко, навзрыд заплакала от боли и запредельного страха.

В эту самую секунду внутри Виктории словно взорвался глубинный снаряд. Время вокруг замедлилось, а весь её накопленный за годы страх перед мужем мгновенно, без остатка выгорел. На смену опустошению пришёл яростный, первобытный материнский инстинкт — тот самый мощный древний щит, который просыпается в каждой женщине, когда её ребенку причиняют боль. Вика больше не видела перед собой грозного мужа-тирана. Перед ней был опасный зверь, ранивший и обидевший её дочь.

Преодолевая дикую боль в волосах, за которые её всё ещё

удерживал Юра, Вика резко, со всей силы своего статного, высокого тела рванулась вперёд. Движимая слепой материнской яростью, она наотмашь сокрушительно ударила Юру локтем прямо в грудную клетку. Мужчина от такой неожиданной, яростной силы разжал руку и отлетел назад, больно ударившись поясницей о край кухонной плиты, и глухо, грязно выругался.

Вика не дала ему опомниться. Опережая его движения, она в один прыжок оказалась в коридоре, упала на колени перед плачущей дочерью и крепко прижала Лизу к своей пышной груди. Её длинные руки надёжно укрыли девочку, пряча её золотистые локоны под своей защитой, а точёная фигура Виктории превратилась в живой, непреодолимый барьер. Она закрыла ребёнка собой, как щитом.

Глава 2.В западне.

В западне.

Ночь прошла тяжело, превратившись в бесконечный, изнуряющий кошмар. Виктория так и осталась в детской комнате, ни на секунду не отпуская от себя дочь. Она сидела на самом краю узкой кровати, бережно баюкая Лизу, плавно и непрерывно гладя её по мягким золотистым волосам, которые шелковым облаком разметались по подушке. Вика без конца шептала ей ласковые, успокаивающие слова, пока девочка, наконец, не перестала судорожно вздрагивать. Лишь под самый рассвет, с тяжёлым, изнывающим от боли сердцем, Вика забылась коротким, чутким, словно у затравленного зверька сном, так и не выпустив маленькую ладошку дочери из своей руки.

Всё это время за тонкой межкомнатной дверью не утихал ад. Юра долго, до самых первых рассветных сумерек, бубнил в коридоре, тяжело и неровно ходил по квартире, чем-то яростно стучал, пинал подворачивающиеся под ноги вещи и иногда что-то бессвязно, злобно вскрикивал. Каждый этот глухой удар отзывался в груди Вики болезненным спазмом, но материнский инстинкт заставлял её каменным изваянием сидеть неподвижно, закрывая собой спящего ребёнка.

Утром Виктория проснулась свинцово-тяжёлой. Ей казалось, что ночью её методично избивали. Осторожно, стара-

ясь не издать ни единого звука, она высвободила руку и поднялась с постели.

Выглядела она ужасно. На её высокое, статное тело было больно смотреть: домашний трикотажный костюм помялся, некогда аккуратная точёная фигурка словно осунулась под грузом навалившейся беды. Пышная грудь прерывисто вздымалась от поверхностного дыхания. Обычно простое лицо сейчас казалось постаревшим сразу на несколько лет: кожа приобрела землистый, сероватый оттенок, под глазами залегли глубокие, почти черные круги, а веки опухли от слёз. На тонкой коже предплечья уже наливался багровый синяк — след от вчерашних пальцев Юры.

Кое-как перехватив темно-русые растрепанные волосы старым крабом, она тихонько, на цыпочках прокралась мимо их супружеской спальни, из-за приоткрытой двери которой доносился тяжелый, гнетущий храп.

Вика проскользнула в кухню. Ей нужно было успеть приготовить завтрак для себя и дочери, пока в доме царила эта хрупкая, пугающая тишина. Кухня встретила её утренней хабаровской прохладой и разбросанными после вчерашнего погрома посудой.

Она как раз доставала из холодильника творог, когда в дверях вдруг неожиданно вырос её муж. Вика инстинктивно сжалась, крепче перехватив миску.

Юра выглядел отталкивающе. Перепой и ночная ярость превратили его в пугающую тень прежнего человека: лицо

было землистым, одутловатым и опухшим, под заплавшими глазами висели мешки, а на щеках топорщилась грязная светлая щетина. От его прежней мужской красоты, которой он когда-то так гордился, не осталось и следа. Он смотрел на жену налитыми кровью, мутными глазами, в которых тупо ворочался тяжелый похмельный гнев, и ничего не говорил. Юра молча, со скрежетом отодвинул стул, грузно уселся за стол и стал выжидающе смотреть на неё, явно требуя, чтобы Вика подала ему завтрак. Он вел себя так, словно ночного кошмара и брошенной на пол плачущей дочери просто не существовало.

Вику изнутри опалило волной удушающей брезгливости, но она заставила себя смолчать. Понимая, что любая искра сейчас снова взорвет этот пороховой погреб, она молча, стиснув зубы, хлопотала по кухне. Её длинные руки слегка дрожали, когда она замешивала творожное тесто, формировала аккуратные кругляши и выкладывала их на раскаленную сковороду. В воздухе поплыл сладковатый аромат ванили и жареного масла, который никак не вязался с давящей, свинцовой атмосферой в комнате.

Когда сырники были готовы, Вика выложила их на две тарелки, намереваясь унести их в детскую к Лизе. Но стоило ей потянуться за чашкой, как Юра вдруг бешено взревел, с силой грохнув массивным кулаком по столу:

— А меня что, здесь нет?! Ты для кого это напекла, тварь?!

От неожиданности и этого дикого крика Вика опешила, застыв на месте. Юра резко подался вперед, бесцеремонно вырвал из её рук горячую общую чашку с сырниками. Прямо пальцами, морщась и обжигаясь, он стал жадно, неряшливо надкусывать один сырник за другим. Из его рта вываливались куски, он грубо, шумно жевал и вдруг... безумно, зловеще рассмеялся, глядя ей прямо в лицо своими налитыми кровью карими глазами. В этом смехе не было веселья — только циничное, животное торжество морального уроды, который упивался её беспомощностью.

Вика смотрела на него, и внутри неё разрасталось одно-единственное, выжигающее всё остальное чувство. Ей стал до смерти, до дрожи в коленях противен этот человек. Каждое его движение, этот сальный смех, чавканье — всё вызывало в ней г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.